

Людмила Лапина

РАЙСКАЯ ДЕВА

Роман

Людмила Лапина

Райская дева. Роман

«Издательские решения»

Лапина Л.

Райская дева. Роман / Л. Лапина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506526-1

Мелинда Лаумер с тетей Джинной бегут из родной усадьбы «Райский уголок» в охваченном войной Севера и Юга штате Миссисипи. В надежде начать новую жизнь они добрались до Колорадо и поселились на маленьком ранчо «Заросли роз».

ISBN 978-5-00-506526-1

© Лапина Л.

© Издательские решения

Содержание

РАЙСКАЯ ДЕВА	6
Часть 1	6
КОНЕЦ РАЙСКОГО УГОЛКА	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Райская дева Роман

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2019

ISBN 978-5-0050-6526-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЙСКАЯ ДЕВА

Роман

Часть 1

КОНЕЦ РАЙСКОГО УГОЛКА

1862 год. Плантация «Райский уголок» близ Джексона, штат Миссисипи

Мелинда Лаумер вздрогнула от залпа сразу нескольких орудий. Бомбардировка Виксбурга артиллерией северян продолжалась уже несколько дней, а война длилась почти год. Мелинда смирилась с резкими переменами в жизни своей семьи, но привыкнуть к орудийным залпам не могла, хотя понимала, что битва идет далеко, и непосредственная опасность ей сейчас не угрожает. Лучше всего успокаивает расстроенные нервы прогулка в саду. Девушка взяла корзинку с рукоделием и вышла на белую мраморную лестницу, ведущую в парк. Он начинался за задним фасадом усадьбы «Райский уголок». И опять, как всегда, ее горло сжалось от восхищения открывшейся красотой. Это ее дом, ее наследство, все, что у нее осталось: белый дворец, построенный прадедом в стиле итальянского палладианства, и сад, чудесный, благоухающий. Пусть дорожки его сейчас не подметены, а на клумбах разрослись сорняки, после войны его приведут в порядок проворные руки черных рабов. А сейчас мисс Лаумер нужно сделать все, чтобы обеспечить продуктами армию южан, воюющих за правое дело. Теперь ее плантация, богатейший «Райский уголок», где собирали десятки тонн хлопка, может предложить «серым мундирам» только несколько бушелей кукурузы, риса и овощей. Заботливо устроенные конюшни, более чистые и прохладные, чем дома иных плантаторов, тоже опустели. Их великолепные питомцы ушли на войну. Мелинда горестно вздохнула, вспомнив общего любимца Беллерофонта, на котором ее отец уехал на войну. Конь и всадник были убиты прямым попаданием артиллерийского снаряда при Шилоу. Осиротевшая дочь отогнала страшные воспоминания и сошла в парк, рассеянно оглядывая систему зеркальных прудов, улаждающих слух журчащими струями маленьких водопадов. Мелинда сама казалась чудесным видением в простом белом утреннем платье среди окружающей ее буйной южной природы – высокая, стройная, пропорционально сложенная. Классические черты ее лица оживляет нежный румянец. Его не смогли стереть ни война, ни внезапная смерть родителей, но тени от пережитого легли темными кругами под зеленые глаза, миндалевидные, чуть раскосые. При рыже-золотых волосах и белой, как лепестки магнолии коже ресницы и брови Мелинды поражали чернотой.

Девушка прошла по тенистой аллее к любимой беседке, окруженной магнолиями, и села на скамью, вырезанную из палисандрового дерева – так пожелала ее бабушка Лавиния. Дедушка Джон был рад во всем угождать обожаемой супруге. Их внучка достала из рабочей корзины вышивание – белый батистовый платочек – пятый из дюжины, которую она готовила в подарок ко дню рождения дорогой тети Джины. Ей через месяц исполнится сорок пять лет. Раньше виновница торжества получала от любящих родителей драгоценности, кружева, верховых лошадей, прихотливо изукрашенное оружие, подходящее женской руке. В ее честь давали бал. Все изменилось два года назад – родители Джины и Клэр погибли – их коляска сорвалась с крутого берега Миссисипи.

Вышивание выпало из ослабевших пальцев Мелинды. Сегодня – день рождения ее мамы, младшей сестры тети Джины, прелестной и несчастной Клэр. Почти год ее нет в живых. Она умерла от внезапной остановки сердца, когда на плантацию «Райский уголок» пришло страшное известие о гибели ее мужа, отца Мелинды, красивого, храброго Джорджа Лаумера. Он погиб в битве с войсками северян. Сегодняшняя служба в домашней часовне была заупокойной. Мелинда и тетя Джина в черных платьях молились за упокой души своих близких, потом, обнявшись, всплакнули и расстались, чтобы не расстраивать друг друга слезами. Горе от потери близких людей невозможно забыть, но приглушить возможно, хотя бы бурной работой по хозяйству.

Мисс Джина сняла черное платье, надела коричневые сатиновые юбку и блузку, полотняный передник и спустилась в погреб, чтобы отобрать продукты на неделю. Ее сопровождала

Лиана – негритянка-экономка. Лиана вынянчила и Джину, и Клэр, и Мелинду, а сейчас, когда старые хозяева умерли, и негры стали дерзкими, старая няня опять приглядывала за своими девочками.

Мелинда переделалась в белое утреннее платье и спустилась в сад. Она очень любила тетю, но были моменты, когда ей отчаянно хотелось остаться одной. Вышивание упало на скамью, бледная от горя Мелинда сумела подавить слезы, но печаль по рано ушедшим из жизни родителям, молодым, красивым, изучающим любовь к жизни и друг к другу, тяжким грузом лежала на душе их дочери.

До шестнадцати лет ее окружала всеобщая любовь, жизнь улыбалась ей, ножки ее ступали по мягким коврам и мраморным полам, даже в парке дорожки перед ней подметали преданные чернокожие рабы. Дедушка Джон, опускаясь на ковер поиграть с обожаемой внучкой, развлекал ее погремушкой из золота и слоновой кости и говорил ее бабушке:

– Моя дорогая Лавиния, наша девочка достойна королевской короны.

Бабушка сама страшно баловала Мелинду, стремилась исполнить любой ее каприз и превратила жизнь внучки в счастливый праздник. Мелинда кратко помолилась за упокой души дорогих дедушки и бабушки и горько порадовалась тому, что они не дожили до нынешних страшных времен, когда разразилась война, умерли родители, кузен Серж Лаумер погиб в разведке в тылу у северян. От большой дружной семьи остались только двое – юная Мелинда и тетя Джина, заменившая девушке мать.

А раньше жизнь на плантации «Райский уголок» текла размеренно, неторопливо, и каждый, длинный южный, день был наполнен счастьем. Мелинда росла в роскоши, как королевское дитя, любое желание ее тут же исполнялось. Она рано начала ездить верхом, занятия с гувернанткой, учителями пения, музыки и танцев были, весьма занимательны. Обучали ее в процессе игры – изучали Шекспира, Лопе де Вега, Мольера – в домашнем театре ставили «Двенадцатую ночь», «Ромео и Джульетту», «Собаку на сене» на языках оригинала, к каждому празднику представляли живые картины: Тристана и Изольду, Ребекку у колодца, святую Инес. И, конечно, Мелинда блистала в главных ролях и роскошных костюмах из шелка, бархата, парчи. Девушка всхлипнула. Картины прошлого непрестанно разворачивались перед ее мысленным взором – веселые пикники, прогулки пешком, верхом, на белоснежной яхте по широкой реке. А балы, чудесные балы, сначала детские, а потом самые настоящие взрослые. К каждому балу ей шили новое платье. Большая комната, примыкающая к ее спальне, ломилась от красивых нарядов, едва помещавшихся в трех шкафах: в одном висели бархатные платья, в другом – шелковые, в третьем – батистовые и муслиновые. В ситцевых платьях на плантации «Райский уголок» ходили только чернокожие рабыни. Мулатки и квартеронки носили батист и муслин. К каждому платью у Мелинды были туфельки из мягкой замши, атласа или сафьяна. Шапки, шарфы, пелерины, зонтики, перчатки хранились в отдельных шкафах.

Мисс Лаумер освоила науку кокетства и становилась королевой каждого бала, на котором появлялась в сопровождении своей семьи, гордившейся ее успехами. Родители так обожали ее, что отказались отдать в женскую школу в Новом Орлеане при монастыре Пылающего сердца. Там получили образование обе мисс Келли – ее мама Клэр и тетя Джина. В первый раз Мелинда попала в Новый Орлеан четыре года назад. Семья Лаумеров ездила туда прощаться с семьей Маршей, переезжавшей в Техас. Подруга Джинины по пансиону Салли Кантон вышла замуж за Рафаэля Марша. У них родились три сына: Клейтон, Тревис, Теодор и дочь Лаура, ровесница Мелинды. Хозяева встретили гостей очень приветливо, их дом был так же великолепен, как «Райский уголок». Разнообразные развлечения предложили Марши своим гостям: дамам – прогулки по городу, посещение богатых магазинов и рынков, чаепитие, дневные концерты и балы, молодежи – детские балы, пикники, поездки верхом, прогулки на яхтах. На следующий день после приезда юные отпрыски плантаторов веселились на детском балу. Мелинда была одета в белое шелковое платье, венок из благоухающих белых розочек лежал на ее золо-

тисто-рыжих волосах. Ее украшениями были короткая нитка белого жемчуга и маленькие жемчужные сережки – подарок любящих родителей к прошедшему Рождеству. Особый трепет и восторг ей внушало сознание того, что впервые ее платье и прическа были как у взрослой барышни – платье длиной в пол, и волосы зачесаны наверх. Матушка объяснила Мелинде, что такая прическа называется «Башня» в честь прекрасной и несчастной королевы Франции Марии-Антуанетты, которая ввела в моду такой способ укладывать волосы.

Бал открыл Клейтон Марш, пригласив мисс Лаумер по настоянию матери. Добрые подруги, Салли Марш и Джина Келли, мечтали о том, что их семьи когда-нибудь породнятся. Они обменялись восторженными взглядами, когда Клейтон Марш, подойдя к Мелинде, покраснел и запутался в учтивых словах приглашения:

– Мадмуазель Лаумер, позвольте пригласить вас на тур вальса!

– Мерси, – счастливо выдохнула Мелинда, положила ему на плечо полудетскую тонкую руку и весело закружилась в танце с красивым юношей. Ей казалось, что она парит в воздухе, ее платье и прическа ей необыкновенно к лицу, все девочки выглядят бледными куклами по сравнению с ней, и она танцует со взрослым – он уже достаточно старый – ему восемнадцать лет!

Клейтон, действительно, был красив и уже имел богатый любовный опыт. Высокий – макушка Мелинды доставала ему лишь до плеча – стройный, мускулистый. Юношеское тело было доведено до совершенства ежедневными занятиями верховой ездой, греблей, фехтованием, стрельбой, борьбой и боксом. Красивое продолговатое лицо, прямой нос с четко вырезанными ноздрями, серые с серебристым оттенком глаза, длинные ресницы, черные локоны и красиво очерченный рот не могли оставить равнодушной ни одну женщину. И у него был богатый выбор. Клей был красив так же, как и отец, и их английский родственник Габриэль Маршалл, барон Радклифф, наследник герцога Клермонского. Молодой британец путешествовал по Соединенным штатам Америки после Севастопольской кампании. Родоначальником семьи Маршей в Америке сто лет назад стал побочный сын тогдашнего герцога – распутник, сосланный в Южную Каролину, где он женился на индианке из племени чероки. Но со временем родственные разногласия были улажены, и оба семейства начали поддерживать дружеские отношения. Габриэль Маршалл прибыл помочь родственникам переселиться в новое поместье «Каса-Нуэва», расположенное близ Остина в новоприсоединенном штате Техас.

Мелинду не интересовали сложности взрослой жизни. Она упивалась своим успехом в высшем обществе Нового Орлеана и вниманием Клейтона Марша. Он повсюду сопровождал мисс Лаумер и казался совершенно очарованным ею. На верховых прогулках они ехали стремя в стремя, вместе открывали балы, Клейтон сопровождал дам на дневные концерты на открытом воздухе. Оба семейства расстались очень сердечно и договорились поддерживать переписку.

Через два года молодой человек заехал на плантацию «Райский уголок» и сделал мисс Лаумер официальное предложение. Дела в Техасе на «Каса-Нуэва» шли хорошо. Клейтон собирался отвезти Мелинду в Европу (конечно, после торжественного бракосочетания). После путешествия по Франции, Германии, Италии, Англии молодой человек хотел обосноваться в восточном Техасе – климат и природа там были просто восхитительны.

Мелинда грустно усмехнулась, вспоминая день, когда величественный чернокожий дворецкий открыл перед ней дверь кабинета деда. Впервые она была приглашена так официально к любимому дедушке Джону. При ее появлении мужчины поднялись со своих мест. Она присела с потупленными глазами, но из-под опущенных ресниц бросила быстрый взгляд на гостя и удовлетворенно улыбнулась – молодой человек был бледен и взволнован.

– Иди ко мне, деточка, – позвал любящий дед, и она грациозно

присела на выточенный из красного дерева подлокотник прадедовского кресла. Ее розовое муслиновое платье пышной пеной опустилось на ковер, и жадному взгляду Клейтона достался только кончик белой сафьяновой туфельки.

– Мистер Марш оказал тебе честь, дорогая, он просит твоей руки,

– ласково сказал дед.

Мелинда вспыхнула, соскользнула на ковер и присела в низком реверансе.

– Благодарю вас, сэр, – тихо сказала она.

Клейтон поклонился ей еще ниже, и, задыхаясь, спросил:

– Могу ли я надеяться, дорогая мисс Лаумер?

– Право, не знаю, – пролепетала она – ведь это было первое, в ее жизни предложение руки и сердца.

– Тебе решать, моя радость, – ласково сказал дедушка.

– Ты хочешь замуж?

Ободренная поддержкой деда, Мелинда ослепительно улыбнулась трепещущему юноше и четко произнесла:

– Нет, дедушка, я думаю мне еще рано замуж!

– Хорошо, деточка, ты ответила мистеру Маршу, а теперь оставь нас, – сказал Джон Келли.

– Джентльмены, – Мелинда с надменным видом слегка присела и

гордо пошла к двери. Мужчины встали, бледный Клейтон с поклоном распахнул перед ней дверь. Девушка вышла, даже не посмотрев на него. Не то что бы молодой человек ей не нравился, но сердце ее все еще молчало. Спустившись в сад, девушка подкралась к окну дедушкиного кабинета, присела среди розовых кустов и превратилась вслух.

– Не огорчайтесь, мистер Марш, – говорил мистер Келли.

– Наша девочка – избалованная куколка, она считает жизнь увлекательной игрой, а себя – центром мироздания!

– А разве это не так? – искренне, но тихо удивилась Мелинда на своем посту.

– Я ценю вашу учтивость, сэр, – отвечал молодой человек

– Вы и ваша семья нам подходите, мистер Марш, – продолжал дед, и в голосе его звучала врожденная властность наследного плантатора.

– Вы можете ухаживать за нашей Мелиндой, и, думаю, со временем вы ей понравитесь.

Девушка непочтительно фыркнула, и в этот момент гувернантка обнаружила ее. Мелинда приложила палец к губам, согнувшись, выбралась из засады и распрямилась только на дорожке розария. Выслушав неизбежные нравоучения, она поджала губы и задумалась – хочется ли ей прожить с Клейтоном всю оставшуюся жизнь? Он нравился ей, но ее сердце еще не созрело для любви. Прошло несколько дней. Клейтон обращался с ней почтительно, нежно, и Мелинда не стала возражать, когда на балу в честь техасского гостя ее родители объявили об их помолвке. На молодого человека жалко было смотреть, когда он понял, что свадьба откладывается на три года, до восемнадцатого дня рождения Мелинды.

В 1863 году Клейтон должен был окончить университет. После свадьбы молодых ждал сезон в Новом Орлеане, а потом долгое свадебное путешествие по Европе. Клейтон подарил невесте кольцо с бриллиантом и отбыл в Техас. Он предпочел бы жениться немедленно, но не мог пойти против воли семьи своей невесты. На прощанье Мелинда поцеловала его в щеку, но ее серые глаза были спокойны, когда молодой Марш вскочил в седло. Она помахала ему с террасы и побежала в библиотеку. Ее очень интересовал «Декамерон» Бокаччо, а то, что родители не одобряли ее увлечение и прятали от нее эту книгу, придавало запретному чтению особую пикантность.

Мелинда вздрогнула. Сейчас она думала о Клейтоне больше, чем до войны. Она помолилась, чтобы Господь сохранил ему жизнь, и его смерть не легла добавочной тяжестью на ее душу. Она не вынесет и его гибели.

Как далека сейчас казалась беззаботная довоенная жизнь, когда Мелинда Лаумер была центром мироздания для обожающих ее родных. Армия генерала Шермана, по слухам, приближалась к Джорджии, а генерал Грант осадил Висксбург.

Мелинда резко очнулась от горестных мыслей. Ее вернул к реальности пушечный выстрел. Она вскочила с деревянной скамейки, подобрала пышные юбки белого платья и побежала к дому, ноги подгибались от страха, сердце противно трепыхалось в груди. Глубокий погреб с продуктами представился ей сейчас надежным убежищем. Не успела девушка пробежать и половину аллеи, как застыла на месте от тошнотворного ужаса. Задний фасад ее дома с двух сторон объезжают люди в синих мундирах. Ледяная волна пробежала по позвоночнику девушки. Это враги, янки, и они окружают ее дом. Первым побуждением Мелинды было бежать, нырнуть в кусты и спрятаться в непроходимом тропическом лесу, окружавшем плантацию. Но она усилием воли подавила животный страх, гордо выпрямилась и осталась стоять на месте, поспешно прочитав про себя молитву Матери Божьей и умершим родителям. Девушка решила, что никогда по доброй воле не покинет свой дом. Отряд янки сомкнул ряды и приблизился к ней.

– Ребята, мы удостоились великой чести, нас встречает молодая хозяйка этого роскошного дома, – сказал сержант, едущий

во главе солдат. Она вздрогнула от его резкого тона и грубого произношения, но, вскинув голову, спокойно ответила:

– Я вас в гости не приглашала, джентльмены, – ее мелодичный голос журчал, как ручеек.

Сержант грубо захохотал:

– Не по-соседски поступаете, мисс Мелинда, не по-соседски. А мы пригласили себя сами!

– Мисс Лаумер, пожалуйста, – холодно поправила девушка и добавила:

– Разве мы с вами знакомы? Янки покраснел под слоем загара:

– Моя фамилия Нили, Джеффри Нили, мисс Лаумер.

– Нили, – медленно повторила Мелинда. – Болотные Нили. Да, вы действительно наши соседи.

Их заболоченный участок с юга примыкал к плантации Лаумеров. Дедушка Мелинды несколько раз лично предлагал им хорошие деньги за почти не возделанную землю, но отец многочисленных братьев Нили предпочитал жить в доме-развалюхе, кормить семью охотой и высокомерно презирать богатого соседа, раздражая его самим фактом своего существования на границе его плантации. «Нищая, белая рвань», – подумала девушка, и холодная усмешка исказила половину ее красивого, четко очерченного рта.

«Так улыбался ее дед, когда разговаривал с моим отцом», – с обжигающей ясностью вспомнил Джеффри.

– Слушаю вас, мистер Нили, – сладким голосом сказала Мелинда.

– Чем я могу вам помочь?

– Леди, мне нужны ваши драгоценности, – сказал янки.

– И только? – презрительно усмехнулась Мелинда, и, не обращая внимания на ледяной ком в животе, медленно вынула из ушей изумрудные серьги – подарок родителей к пятнадцатому дню ее рождения – и небрежно уронила их на гравийную дорожку:

– Потрудитесь поднять, мистер Нили.

Сержант спрыгнул с лошади, ловко подхватил сережки с земли и потянулся к золотой цепочке, обвивающей тонкую шею девушки.

– Это мой крестильный крест, – воскликнула она, отшатнувшись.

– Я ношу его всю жизнь.

– Ладно, леди, я вам его оставлю, но взамен на вашу шкатулку с драгоценностями, – сказал сержант – янки, немного отступив.

– Берите, что хотите, но не трогайте мой дом, – воскликнула девушка.

– А я вынесу вам драгоценности, подождите немного, – она шагнула к дому, но янки резко схватил ее за руку:

– Э, нет, леди, так не пойдет, вы можете сбежать.

– От соседа? – удивилась Мелинда и горько пожалела, что сейчас у нее нет при себе оружия: любимый кольт последней модели остался в ящике ее туалетного столика. Не брать же его в церковь. Подумать только, как были бы шокированы ее родители, но отныне она будет носить оружие с собой всюду, даже купаясь в ванне.

– Я никуда не убегу. Обычно я держу свое слово, – воскликнула она, вырывая руку из цепких пальцев соседа, с началом войны ставшего врагом. Они отвратительны – липкие от пота и омерзительно горячие, да и от самого Нили тошнотворно пахнет застарелым потом и пылью. Она обожгла его ледяным взглядом серых глаз и ядовито проговорила:

– Проводите меня до дома и получите наши фамильные драгоценности.

Гордо выпрямившись, она легко взбежала по лестнице, ведущей на выложенную белым мрамором террасу перед задним фасадом усадьбы «Райский уголок».

«Я сохранию дом, – билось в голове девушки. – Тайник не открою, бабушкины драгоценности и серебро сохранию».

Быстрым шагом Мелинда пересекла террасу, распахнула французское окно, пробежала анфиладу из нескольких гостиных, окружающих роскошный балльный зал с огромной хрустальной люстрой, отражающейся в белом мраморном полу. Этот зал, называемый просто «Золотой», был знаменит балами, которые давали в честь праздника сбора урожая три поколения предков Мелинды. Дойдя до своих комнат, мисс Милли – ласковое семейное имя – открыла дверь гардеробной, подошла к резному комоду из темного дуба и нажала потайную кнопку. Дверцы комода распахнулись с мелодичным звоном, и молодая хозяйка извлекла из его недр шкатулку, а, вернее, маленький сундучок, обитый потемневшей от времен телячьей кожей, с окованными углами – наследство прадедушки Майкла. Сгибаясь под тяжестью сокровищ, леди подала их сержанту-янки.

– Теперь вы покинете мой дом? – мягко спросила она, выпрямившись.

– Если у вас больше ничего ценного не осталось, – с гаденькой улыбочкой ответил он.

– О, больше ничего, – распахнув невинные глаза, честно ответила девушка. Не считать же особой ценностью мелкий устричный жемчуг, приготовленный на отделку табакерок, кисетов и домашних тапочек, а так же аметисты прабабки Энн – Мелинда искренне их не любила. Нили пожирал ее чистое лицо горящими глазами, красная пелена гнева заволакивала его мозг. Для этой золотой девочки юга, с детства игравшей погремушками, стоившими целое состояние, деньги не имели никакого значения – она бы не нагнулась поднять с земли даже бриллиантовую булавку, выпавшую из ее прически или корсажа. А семья бедных фермеров могла бы прожить на деньги от продажи такой безделушки целый год. Братьям Нили нередко приходилось голодать. В дни праздников, которые устраивали богатые соседи, Джеффри с братьями бегали смотреть из-за ограды усадьбы иллюминацию дома и парка, а на кухне чернокожие кухарки давали молодым «белым масса» вкусную еду, оставшуюся от роскошного обеда хозяев поместья.

Сержант наливался дурной кровью. Сейчас он кое-что покажет этой богатой тварюшке. Его лицо так исказилось, что Мелинда в ужасе отшатнулась. А он выронил шкатулку, схватил Милли за руку и притянул к себе. Она уперлась в его плечи и откинула голову, брезгливо отстраняясь от его жадных губ.

– Нет, нет, прошу вас, – лихорадочно повторяла она, вырываясь из его цепких рук. Он часто задышал, но внезапно отпустил ее. Не успела девушка обрадоваться свободе, как он рванул ее платье и разорвал до талии. Мелинда вскрикнула, дала ему пощечину и вцепилась в глаза. Но он оглушил ее двумя ударами по голове, как встреченную в лесу индеанку или негритянку, совсем разорвал платье, дал подножку и повалил на ковер, подминая под себя.

Девушка боролась отчаянно, она уже не кричала и не стонала – не доставит она этим радости врагу. Молча, она царапала его, извивалась под ним, откидывала голову, увертываясь от его поцелуев. Однако Нили с ранней юности приобрел опыт насильника. Он захватил оба запястья девушки, заломил ей за голову и коленом раздвинул ее ноги. Сорвав с нее батистовые панталоны, он расстегнул свои синие бриджи и с хриплым стоном вошел в нее.

– Ненавижу! – выдохнула девушка, распятая под насильником.

– Будь ты проклят! – и мучительный стон сорвался с ее губ, когда негодяй взял ее девственность. Она конвульсивно сжала ноги, но он приподнял ее бедра и еще глубже погрузился в ее тело. Поймав губами ее сладкие губы, он просунул язык меж ее зубов и задвигался в бешеном ритме. Он не разделся, медные пуговицы его мундира больно царапали нежную девичью кожу. Мир померк для Мелинды, она почти не чувствовала разрывающей ее внутренности боли его движений. Он быстро насытился ее телом и отпустил бедняжку. Она лежала неподвижно, потрясенная и измученная. Он обтер себя лоскутом, оторванным от платья Мелинды, застегнул бриджи, подхватил шкатулку, наклонился над своей жертвой и сорвал с ее шеи золотой крест. Она вздрогнула, возвращаясь к жизни.

Сержант-янки Джеффри Нили покинул обесчещенную им девушку. Он вышел, не оглядываясь, но навсегда запомнил бледное нежное лицо, перекошенное невыносимой болью, и серые глаза, превратившиеся в узкие щелки от ярости, обдававшие его холодным презрением. Он не сумел заставить ее бояться, как другие свои жертвы. В изнеженной утонченной соседке он пробудил только ненависть. «Пожалуй, я обошелся с ней сурово. Однако, какого черта! Если бы не война, эта надменная аристократка никогда бы не взглянула на меня. Не собираюсь же я жениться на ней?» – кривая усмешка перекосила его узкое ястребиное лицо. Он вошел в бальный зал и увидел свое отражение в одном из зеркал, расположенных по периметру роскошного помещения. Дикая ярость овладела им, зависть к соседской семье, владеющей этим богатым поместьем, и сожаление, что все кончилось так печально. До войны он, коммивояжер, продающий шелковые ткани и мануфактуру, работал в родных краях. Охота принесла ему первый капитал, потом он покупал ткани в Новом Орлеане и развозил их вверх и вниз по реке Миссисипи. Торговля его шла хорошо, иногда он даже получал приглашение показать товары дамам, своим соседкам. Мелинда тогда была слишком молода, он видел ее только один раз на той же аллее, где они встретились сегодня. Но тогда она была прелестным невинным ребенком в розовом муслиновом платье с крошечным зонтиком в руках, гулявшим в сопровождении гувернантки и двух нянь-квартиранок. Это видение потрясло его, и его сердце наполнилось неудержимой завистью и ненавистью к богатым почтенным людям, ведущим жизнь, в которой ему никогда не будет места. Война дала ему шанс отомстить. Он пошел служить в армию янки, а так как хорошо знал родные места, его произвели в сержанты и направили в распоряжение генерала Гранта, осаждающего Вicksburg.

В порыве бешеной ярости Нили выхватил саблю и обрушил ее эфес на зеркало как на преграду, отделяющую его от прекрасной надменной соседки. Блестящие осколки посыпались на паркет розового дерева и золоченую мебель в сердце особняка. Нили вспорол белую шелковую обивку, наискось разрубил изогнутые ножки диванов и столики-консоли. Схватив обломок дерева, он запустил его в люстру и отпрыгнул от града хрустальных осколков, хлынувших вниз. Закончив крушить сердце особняка, он немного успокоился, вышел через главный подъезд и увидел своих солдат, грабящих богатый дом. Он холодно усмехнулся и отдал краткий приказ:

– Ребята, поджигай дом!

Янки восприняли приказ грубым хохотом, им уже случалось буйствовать в захваченных и разграбленных поместьях южан-плантаторов. Вспыхнули факелы, бледные в солнечном свете, и вскоре прекрасный белоснежный особняк запылал со всех сторон.

Мелинда потеряла сознание, когда обесчестивший ее янки корчился в последних судорогах удовлетворенного желания. Спасительная тьма застлала ее глаза, она не чувствовала,

как он разомкнул грязные объятия, поднялся и оставил свою жертву. Забыть ее продолжалось не долго. Царапающая шею боль привела в чувство, Мелинда открыла глаза, и страшные воспоминания всплыли в ее мозгу – ненависть к врагу, полная беспомощность и боль, раздирающая все тело. Как ей жить после этого насилия? О, если бы она тут же смогла умереть от стыда. Она резко села, застонав от боли. Опустив глаза, она увидела белое разорванное платье в пятнах крови, и неудержимая рвота сотрясла ее опозоренное тело. Пережив, очень неприятные пять минут, девушка оперлась на дрожащие руки и встала на ноги. Чувствовала она себя ужасно. Хуже всего было то, что некому теперь отомстить за нее – дедушка и папа умерли, негры стали дерзкими и непокорными, забыв разом все хорошее, что для них делалось на плантации. И во всем виноват мистер Линкольн. Убить бы его! До этой ужасной войны Мелинда ни к кому не испытывала ненависти, но сейчас ярость и жажда мести переполняли ее. Если убить президента она не может, то хотя бы одного янки она отправит на тот свет. Ее серые глаза вспыхнули бешенством, она сорвала ключ, висевший на задней стене большого шкафа красного дерева, где за стеклянными дверцами хранилась большая коллекция оружия – начиная от мушкета прошлого века, дуэльных пистолетов, до спенсера для охоты на бизона и кольтов последних моделей. Здесь же были и патроны. Стиснув зубы от ярости, Мелинда выхватила из шкафа спенсер пятидесятого калибра и кольт сорок пятого. Перекинув через плечо солдатскую сумку с патронами времен мексиканской войны, она выскочила из спальни, не обращая внимания на свой растерзанный вид и кровь, испачкавшую ноги. Чистая нежная девочка исчезла, превратившись в разъяренную фурию. Она собиралась убить своего насильника, а так же столько янки, сколько сможет. Женщины семьи Лаумер мстят за свою поруганную честь, если не осталось мужчин, способных вступить за них.

Она выглянула в окно и ужаснулась – враги выносили из дома все, что только можно унести – драгоценную хрустальную посуду, тонкий фарфор, столовое серебро, картины, ковры. Несколько янки забавлялись тем, что на террасе, опоясывающей дом, рубили мебель из роскошного гарнитура «Чиппендейл», главного украшения «Перламутровой гостиной» – прелестной утренней комнаты, где в ранние часы жарких южных дней любили собираться дамы их семьи.

Опозоренная девушка тяжело вздохнула, положила ружье на мраморный подоконник, установила дыхание, как ее учили на занятиях по стрельбе. Все южане должны были уметь обращаться с оружием, это было в крови гордого страстного народа, к которому принадлежала Мелинда.

Она прильнула нежной щекой к ружейному прикладу и выстрелила. Солдат-мародер получил пулю в плечо и был отброшен на землю. Мелинду захлестнула злобная радость, никогда ей еще не хотелось так уничтожить кого-нибудь, как сейчас этого сержанта-янки. Она, никогда не стрелявшая на охоте – ей было жаль бедную дичь – отбросила спенсер, схватила кольт и метнулась к окну гостиной, примыкающей к ее спальне. «У меня получилось, Господи ты, Боже мой, получилось! Будь у меня эта новомодная штучка – винчестер, я бы им показала!»

Янки быстрее забегали по двору. Мелинда прицелилась в своих врагов из колта. Расстреляв всю обойму, она метнулась к следующему окну, на ходу перезаряжая кольт. Пять янки стонали на террасе, задетые ее пулями, но не было среди них негодяя-сержанта, а она охотилась именно за ним. Сменив позицию, девушка высматривала своего врага, не обращая внимания на то, что происходит рядом. Внезапно получив подножку, она рухнула на пол, кольт был выбит ногой из ее руки, и Мелинда очутилась лицом к лицу со своим обидчиком, грозно нависшим над ней. Звериный яростный вопль вырвался из ее груди, когда она увидела, что он цел и невредим. Ей удалось полоснуть его по щеке растопыренными пальцами с острыми ногтями, но почти тут же он заломил ей руки за спину и зарычал:

– Мерзавка! – ты ранила моих людей и расцарапала меня.

– Я мстила за себя! – с не меньшей яростью отвечала Мелинда, пронзая его ненавидящим взором, ее миндалевидные глаза сузились в косые щелки.

– Я пощадил тебя, но сейчас выдам солдатам на потеху, как шлюху, ранившую их товарищей, – продолжал Джеффри, встряхивая Мелинду.

– Как жаль, что я не убила тебя, болотный негодяй, прощелыга Нили, – она плюнула в его ненавистное лицо.

Он влепил ей пощечину и потащил вниз, на террасу, осуществляя свою угрозу. И вот она уже стоит посреди круга хохочущих солдат, поедающих ее вождедеющими глазами. Еще мгновение – и сержант толкнул ее в толпу. Мелинду подхватили жадные мужские руки, остатки ее растерзанного платья были тут же сорваны, и девушка предстала во всей красе перед потрясенными солдатами – стройная фигура, высокая грудь, длинные точеные ноги, копна рыже-золотистых волос, стекающих по покатым плечам и доходящих до узкой талии. Солдаты-янки невольно отступили, не в силах осквернить такую красоту. Она стояла, гордо выпрямившись, тело ее светилось как мрамор бесценных античных статуй в ее саду, а за спиной пылал ее дом.

Внезапно пахнуло нездешним холодом, и черная тень потянулась к ногам девушки. Она отчетливо поняла, что сейчас умрет, но не испугалась – зачем ей жить после сегодняшнего позора? На пороге небытия ее обступили тени обожаемых родных, едва различимые в ярком солнечном свете. Бабушка и дедушка, мама и папа светло улыбались и протягивали ей руки.

– Сейчас иду, ждите, – шепнула она и радостно улыбнулась им в ответ.

– Она сошла с ума... – испуганные солдаты попятились от ненормальной южанки.

Спасение пришло неожиданно, как будто небеса услышали беззвучные молитвы семьи Келли-Лаумер и послали на помощь отряд конфедератов. Джонни, воины в серых мундирах, подскакали со стороны сада и осыпали отряд янки прицельным огнем. Ноги Мелинды подогнулись, она упала на террасу, откатываясь под защиту каменной балюстрады, чтобы не попасть под случайный выстрел. «Как быстро учишься всему на войне!» – думала она, сжимаясь в комок на мраморном полу и наблюдая в просвет между столбами балюстрады за боем. Оба отряда выхватили сабли, и сошлись в ближнем бою. Конфедераты оказались сильнее – южан с детства обучают фехтованию – и вскоре жалкие остатки отряда янки бесславно бежали. Исчез и сержант Нили. Опозоренная им девушка больше не видела его и не могла попросить спасителей задержать негодяя.

– Мелинда! Мелинда! – раздался звонкий голос.

Девушка поднялась из укрытия на зов тети.

– Я здесь, тетя Джина, – хрипло проговорила она. Мисс Келли подбежала к племяннице – стройная миловидная женщина небольшого роста с каштановыми волосами, уложенными в высокую прическу – и прижала к себе бедную девушку.

– Бедное мое дитя, как я за тебя волновалась, – приговаривала она, глядя ее по щекам и волосам, и все слезы, которые сдержала Мелинда в этот страшный день, прорвались наружу. Она обмякла и зарыдала, ничего не видя вокруг.

К женщинам подошел Тони Тейлор, командир отряда, пришедшего на помощь. До войны он бы их добрым соседом, владельцем «Кипарисовой рощи», а за отвагу под Шилоу получил звание капитана. Сейчас ему было двадцать пять лет. Этот высокий золотоволосый красавец выглядел элегантным и после схватки с янки. Казалось, в его янтарных глазах навсегда застыло лениво-чувственное выражение. Но нередко эти глаза загорались золотыми искорками, когда он приглашал мисс Лаумер на тур вальса. А год назад на балу в честь дня рождения миссис Лаумер, когда танцы из бального зала постепенно переместились на залитые лунным светом лужайки перед домом, Тони осмелился, кружа Мелинду в вихре быстрого вальса, отступить в тень вечнозеленой изгороди и прижаться пылающими губами к нежным девичьим губкам. Тогда она не оттолкнула его. Это был ее первый опыт, ведь ее жених Клейтон Марш никогда

не пытался ее поцеловать – он боялся напугать юную невесту. Но Мелинда была разочарована. Разве о таких поцелуях она мечтала, читая тайком романы?

Тони подбежал к спасенным им женщинам. Он был потрясен несчастьями, обрушившимися на его соседей, а с мисс Мелиндой связывал далеко идущие планы. После войны ей придется сделать выбор – Клейтон Марш или Тони Тейлор.

– Леди, примите мои соболезнования, – говорил он, поспешно срывая с себя мундир. Набросив его на плечи Мелинды, он успел подхватить ее на руки. Девушка потеряла сознание, и в это же время обрушилась крыша горящего особняка.

Прошел месяц. Мелинда поправлялась от приступа нервной горячки, вызванного потерей чести и дома. Девушка уже вставала с постели и почти все время проводила в саду «Кипарисовой рощи», поместья их соседей Тейлоров. Тони отвез туда потерявшую сознание Мелинду и расстроенную Джину сразу же после трагедии. Потеря дома тяжким бременем легла на хрупкие плечи мисс Келли, но она вместе с Линой и ее мужем Джонасом начала раскапывать развалины рухнувшего семейного гнезда, как только они остыли. И кое-что спасти удалось – серебряную посуду из тайника, несколько шкатулок с семейными драгоценностями. Роскошная одежда, меха, мебель сгорели полностью, но, имея серебро и драгоценности, можно думать о будущем.

Ночи Джина просиживала у постели племянницы, ловя каждый ее вздох и моля Бога не забирать ее девочку. От некогда большой семьи остались в живых только Джина и Мелинда, но девушка была так слаба, что тетя почти не верила в ее выздоровление. В первый же вечер, вымыв Мелинду и уложив ее в постель, Джина подошла к миссис Тейлор и шепотом попросила таблетки доктора Килмера от женских болезней. Недрогнувшей рукой она раздавила их между двумя серебряными ложками, растворила получившийся порошок в четверти стакана воды и влила лекарство в пересохшее горло племянницы. Гордая кровь многих поколений аристократов никогда не смешается с кровью безродной «белой рвани». Сама Джина не вышла замуж потому, что родители не одобрили ее выбор. Юджин Джонсон был красив, их родители дружили и были добрыми соседями, но, к сожалению, Джонсоны не смогли вспомнить шесть поколений своих предков. А Джон Келли был слишком горд для того, чтобы его зятем стал человек, не имеющий возможности предъявить приличную родословную.

Джина вытерла слезы и усмехнулась. Все ее предки перевернулись бы в склепах, если бы узнали, что случилось с Мелиндой. Но Бог милостив...

Когда девочка поправится, тетя увезет ее отсюда. Раньше, до войны, ее можно было бы послать в монастырь, чтобы в его спокойной тишине излечить раненую душу, а сейчас нужно уехать далеко отсюда. Мисс Келли связалась с поверенным их семьи, поручила ему продать серебро и кое-что из драгоценностей. Вырученной суммы хватило на то, чтобы совершить купчую на ранчо близ городка Пуэбло, территория Колорадо. Через два месяца все было готово к переезду. Но добираться в Колорадо надо кружным путем – не могли же две женщины перейти линию фронта. Новый Орлеан был взят, и на север не было другого пути, кроме, как морем. Посоветовавшись с поверенным, мисс Келли решила добираться в Нью-Йорк через Багамские острова. Президент Линкольн издал указ, позволяющий каждому американцу стать владельцем свободной земли. Первые такие земли раздавали на территории Небраска. Джина решила добраться до Нью-Йорка на корабле, идущем из Нассау, провести зиму на севере, и оттуда с обозом переселенцев отправиться в Небраску.

С тревогой наблюдала Джина, как ее племянница отгораживается своими страданиями от внешнего мира. Она похудела, радость жизни оставила ее, на бледном лице застыло горестное выражение. Особенно изменились глаза, они утратили связь с душой, стали холодными, пустыми. Мелинда поклялась себе, что больше никогда ни один мужчина не коснется ее.

«Я скорее убью себя, чем снова вынесу кошмар мужских прикосновений», – думала она и постоянно носила с собой кольт. Она не плакала, но все время, остававшееся от работы по хозяйству, посвящала тренировкам в стрельбе на поражение. В саду «Кипарисовой рощи» единственный на тот момент негр Джонас, оставшийся со своими хозяйками, устроил стрельбище для молодой мисс. Только он и его жена Лина, бывшая няня Джины и Мелинды, не бросили своих хозяек. Остальные негры разбежались, а пожилая негритянская чета согласилась сопровождать хозяек в Колорадо.

Понемногу Мелинда начала сознавать, что с ней случилось. Душевная боль была невыносима, но девушка задумалась о своем будущем. Однажды у себя в комнате, чистя кольт после усердной тренировки, Милли была в приподнятом настроении, ее успехи в стрельбе поражали – сегодня она разбила в воздухе десять из десяти бутылок, подкинутых Джонасом. Юная леди смыла с рук остатки ружейного масла, умылась и поспешила на кухню, где миссис Тейлор и мисс Келли готовили обед. Обе леди вели неспешный южный разговор, а их проворные изящные руки, казалось, порхали над кухонным столом – миссис Тейлор чистила яблоки для пирога, а мисс Джина раскатывала тесто.

Мелинда, приподняв скромный светлый кринолин, вприпрыжку спускалась по лестнице, ведущей в кухню. Она уже слышала мягкие голоса обеих женщин и улыбалась, радуясь возможности побыть в кругу близких людей, но слова миссис Тейлор привлекли ее внимание:

– Как вы думаете, дорогая Джина, не согласится ли ваша дорогая Мелинда составить счастье моего дорогого Энтони?

– У Мелинды уже есть жених, – спокойно ответила Джина, продолжая раскатывать тесто.

– Но как вы ему объясните происшедшее? – мягко спросила миссис Тейлор.

– Мы расскажем ему обо всем, он вправе знать, что произошло с его нареченной невестой, – спокойно, как о, давно решенном деле, сказала мисс Келли.

– Но поверит ли он? – продолжала хозяйка.

– Мистер Клейтон Марш – джентльмен, любит мою Мелинду, наши семьи давно знакомы, и он не обидит нас грязным подозрением, – холодно произнесла мисс Джина, и только белые костяшки пальцев, стиснувших скалку, выдали ее волнение.

– Мой сын тоже любит вашу племянницу, знает, что с ней произошло, но все-таки хочет жениться на ней, – холодно сказала

миссис Тейлор.

– Благодарю вас за добрые слова, но моя племянница и мистер Клейтон Марш все уладят после войны, – ледяным тоном ответила Джина, яростно раскатывая тесто.

Мелинда сделала приветливое лицо и, изо всех сил топая каблукчиками, спустилась в кухню.

– Добрый день, дамы, – девушка присела в маленьком реверансе, вспомнив хорошие манеры.

– Добрый день, дорогая, – ответила хозяйка.

– Сегодня ты чудесно выглядишь, моя радость, – сказала Джина.

– Каковы успехи в стрельбе?

– Я расстреляла десять бутылок из десяти, – похвасталась Мелинда и продолжала:

– Могу ли я поговорить с вами, тетушка?

– Конечно, моя дорогая, – ответила Джина, положила скалку и сняла фартук:

– Не прогуляться ли нам по саду? День сегодня чудесный.

– Нет, поднимемся в мою комнату, – попросила Мелинда и, поддерживая тетушку под руку, повела ее по лестнице. Усадив Джину на легкий плетеный диванчик у окна, девушка резко заявила:

– Тетя, я не хочу выходить замуж за Тони Тейлора.

– Ты подслушивала по своей давней привычке? – удивилась старшая леди.

– О, совершенно случайно, – надула губы Мелинда. – Я прошу у вас прощения, но, согласитесь, так можно узнать много интересного.

Джине не хватило духу отругать племянницу за неподобающее леди поведение – впервые за последнее время в ее глазах появился веселый огонек.

– А как же мистер Клейтон Марш? Ты не собираешься за него замуж?

– Нет, я не хочу ни за кого выходить замуж.

– Что ж, это твоя жизнь, но хотя бы напиши Клейтону Маршу письмо и верни его слово. Обручальное кольцо, к сожалению, потерялось, но после войны мы возместим его стоимость, – спокойно сказала Джина, молясь в душе, чтобы к концу войны племянница одумалась.

– Неужели мы можем еще позволить себе раздавать бриллианты? – с почти прежним лукавым смешком спросила Мелинда.

– Все еще можем, – ответила Джина.

– Что удалось спасти? – поинтересовалась девушка.

– Серебряную посуду и шкатулки с драгоценностями. Золотая посуда превратилась в слитки, а наша чудесная мебель и хрустальные люстры, портреты предков, сервский фарфор, меха – все сгорело, разбито, – ответила Джина и судорожно всхлипнула.

– Не плачьте, дорогая тетя, – вскрикнула Мелинда. – У нас хоть что-то осталось.

– Да, ты права, – всхлипнула Джина и, обняв племянницу, притянула к себе. – Я так рада, что ты поправилась, Милли, – и поцеловала ее дрожащими губами.

– Да, я поправилась, – вздохнула девушка. – Но никогда уже не буду прежней.

– Так ты не возражаешь против переезда в Колорадо, моя девочка? Наш поверенный подобрал там для нас чудесный домик в испанском стиле, – ласково спросила Джина.

– Нам надо уехать отсюда, – сказала Мелинда. – Это избавит меня от притязаний Тони Тейлора.

– И от Клейтона Марша, – тихо сказала тетя.

– Я удивляюсь, как дедушка разрешил ему обручиться со мной, – вздохнула Мелинда. – Ведь прадед Клейтона был незаконнорожденным.

– Сыном английского герцога, – добавила тетя. – И ты могла бы когда-нибудь стать герцогиней.

– Да, это меняет дело, – подхватила Мелинда и прижалась к Джине. – Тетушка, я в таком долгу перед вами за то, что вы сделали для меня.

– Пустяки, дорогая, – ответила та. – Думаешь, мне без тебя что-нибудь нужно? Все наши драгоценности я спасала для тебя.

– А где они? – поинтересовалась Мелинда.

– Ты не поверишь, – хихикнула Джина. – Под матрасом нашего старого Джонаса.

– Наверное, ему неудобно спать на нашей фамильной диадеме, – засмеялась девушка, но Джина побледнела:

– Я же совсем забыла про нее.

– Вы не вскрывали дедушкин сейф? – удивилась Мелинда.

– Вход в папин кабинет оказался завален рухнувшим потолком, – ответила Джина.

– А окно? Вы не пытались влезть в окно?

– Я так растерялась, – жалобно сказала Джина.

– Ты лежала без памяти...

– Ну-ну, все уже прошло, – ласково сказала Мелинда и поцеловала руку тети.

– А не влезть ли нам сегодня в окно дедушкиного кабинета?

Джина смахнула слезы и улыбнулась:

– Как хочешь, дорогая.

- Мы пойдем сегодня ночью, – сказал Милли.
- Ты вполне здорова, детка? – встревожено спросила Джина.
- Я лазила в это окно с четырех лет, – засмеялась Мелинда.
- И, тетушка, мне не понравилось, как миссис Тейлор обходится с вами.
- Она хозяйка дома, дающего нам кров после случившегося с нами несчастья, не забывай об этом, – строго сказала Джина.
- Тейлоры всегда нам завидовали, – хмыкнула Мелинда.
- Тетя, дорогая, я уже совсем поправилась и не буду вам в тягость, – и она умоляюще посмотрела на Джин.
- Что ж, давай подумаем, как это устроить, – улыбнулась мисс Келли.

Южная ночь наступила быстро. После скромного ужина – но яблочный пирог удался на диво – дамы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по спальням. Мелинда не собиралась спать, она металась по комнате, пытаясь ходьбой заглушить нервное напряжение. Наконец она остановилась и попыталась думать логически – что ей нужнее всего сегодня ночью? Конечно, пистолет. Она быстро разобрала кольт, собрала его и перезарядила, а потом привязала к правой ноге около колена кожаным ремешком. Приятная тяжесть знакомого оружия придавала девушке уверенности. Милли надела сатиновое траурное платье, черный рабочий фартук и набила его карманы запасными патронами. Что еще? Свечи и спички. Она спустилась на кухню, пошарила в шкафах и прибавила к своему снаряжению коробку шведских спичек и четыре восковые белые свечи, поднялась к комнате тети и, осторожно царапая дверь, позвала:

– Тетя Джина, нам уже пора.

Дверь открылась. Джина стояла на пороге в черном платье и черной кружевной мантилье.

– Пойдем, моя девочка.

Женщины осторожно спустились вниз. До «Райского уголка» от «Кипарисовой рощи» по дороге около двадцати миль. Лесом, конечно, короче, но леди никогда не вошли бы в него ночью. Негры их плантации рассказывали шепотом жуткие истории про таинственных существ, обитающих в этом лесу, и кое-какие слухи дошли до хозяев. А там, где лес подходил к болоту, стояла жалкая хижина семейства Нили. Как хотелось Мелинде никогда в жизни не знать об их существовании.

В конюшне хозяек ждал негр Джонас. Он уже оседлал трех лошадей и посадил дам в седла. После короткого, но яростного разговора шепотом леди смирились с тем, что он будет их сопровождать, и Джонас поехал сзади, как грум, сопровождающий дам-амазонок. Джина и Мелинда ехали рядом. В былые времена они садились в седла в бархатных или шелковых амазонках, застегнутых на драгоценные камни, оправленные в золото. Мисс Келли любила рубины, мисс Лаумер больше подходили сапфиры и изумруды. Их высокие цилиндры обвивали тонкие вуали, развеваемые свежим встречным ветром. Шлейфы дам свисали до земли. Сопровождали хозяек красивые чернокожие грумы в белых лосинах, париках и цилиндрах. Ливреи у них были ярко-алые, украшенные золотыми позументами. Белые леди страстно любили верховую езду и выезжали почти каждое утро, на рассвете, пока яростное южное солнце не нагрело воздух. Безмятежная, счастливая, довоенная жизнь. Как бы ни хотелось вернуть драгоценное прошлое, надо жить дальше.

В молчании они ехали около часа, стремясь скорее увидеть родной дом. Развалины, чернеющие в серебристом свете полной луны, предстали перед путниками неожиданно. Слезы выступили на глазах всех троих – печальный конец прежней жизни, единственно им знакомой, грудой закопченных обломков лежал перед ними. Но слезами горю не помочь, нечего и стараться. Сердито утерев глаза рукавом траурного платья, Мелинда направила своего мерина в объезд дома, под окно дедушкиного кабинета. Леди спешили с помощью верного негра, он взял лошадей под уздцы, закинул поводья на закопченные мраморные солнечные часы, все еще стоящие посреди сгоревшего розария, и подошел помочь хозяйкам забраться в окно кабинета

«дорогого старого массы». Стекло лопнуло от бушевавшего здесь пламени. Очень осторожно, чтобы не порезаться, Мелинда перелезла подоконник и зажгла свечу. Быстро оглядев комнату, она увидела, что вся роскошная обстановка погибла в огне, на полу лежит толстый слой пепла, даже обивка стен из тисненой кордовской кожи выгорела. Милли прилепила зажженную свечу над тем местом, где находится сейф, спрятанный в стене, вынула пистолет и попросила тетю с Джонасом отойти подальше. Они отступили, а девушка резким движением выбила остатки стекла из рамы, вернула колыт на место и протянула тете руку, помогая влезть в окно. Джина перешагнула подоконник и горестно оглядела комнату:

– Боже, Боже, ничего не осталось.

– Надеюсь, содержимое сейфа не пострадало, – процедила Мелинда.

– Как же мы его откроем? – воскликнула Джина.

– Где дедушка хранил ключ?

– В своем столе, в потайном ящике.

– Да, от стола мало что осталось, – с иронической усмешкой сказала Мелинда, глядя на кучу остывших углей. Джина растерянно провела рукой по лбу:

– Я так надеялась, что мы найдем ключ.

– Не волнуйтесь, тетушка, – сказала Мелинда, вынула из кармана фартука еще одну свечу, зажгла ее от первой и подала Джин.

– Посветите мне, пожалуйста, – и, подойдя к стене, принялась очищать ее от клочьев обгоревшей обивки. Милли была спокойна и собрана. Ей казалось, что дедушка и бабушка, мама и папа стоят рядом и подсказывают, что ей надо сейчас делать. Вскоре опаленная огнем в нескольких местах дверца сейфа появилась перед наследницами.

– Дайте мне свечу, тетушка, – попросила Мелинда и, приподнявшись на цыпочки, прилепила вторую свечу к стене. Девушка приготовилась стрелять в замок – должен же он открыться.

– Отойдите, тетя Джина, я сейчас открою этот сейф, – холодно усмехнувшись, Мелинда небрежно, через плечо, ткнула пальцем в дверцу и застыла от изумления – замок вдруг повернулся с мелодичным шелканьем. Онемев, женщины смотрели и слушали – дверца сейфа приглашающе открылась. Они упали на колени и горячо возблагодарили Господа за его милость.

Встав, они направились к сейфу, но гадкий смешок громко прозвучал в ночной тишине. Дамы подскочили, как ужаленные – в окно заглядывали два бородатых типа и, гнусно ухмыляясь, рассматривали растерявшихся женщин. Свежий воздух южной ночи наполнился запахами застарелого пота, перегара, несвежей одежды, исходившими от двух оборванцев. Джина и Мелинда их тут же узнали. Двое из болотных братьев Нили, белой рвани, возомнившей себя ровней Лаумерам и Тейлорам из-за того, что их собственный клочок лесистого заболоченного леса вклинился между землями двух обширных плантаций.

– Мисс Джина Келли, мисс Мелинда Лаумер, какая приятная встреча, прекрасные леди, – глумливо протянули братцы.

– Джентльмены, – слегка присела Мелинда, а мозг ее лихорадочно работал в поисках выхода из новой ловушки. Леди, занятые своим наследством, утратили бдительность.

– Прекрасные леди нас заждались, – протянули братья с ленивым южным акцентом и забрались в окно.

– Что вы делаете на нашей земле? – вышла вперед Джина.

– Была ваша, – хмыкнул Джаспер Нили – старший из шалопаев-братцев.

– Вы нарушили границу чужих владений, – резко сказала Мелинда.

– Предлагаю вам немедленно уйти.

– Сейчас, разбежались, – протянул младший брат с нехорошим блеском в глазах. Мелинда передернулась от отвращения – так смотрел на нее негодяй Джеффри Нили, и теперь она всегда узнает этот мужской похотливый взгляд. Ее затошнило от омерзения, но усилием

воли она подавила панику, а мозг ее холодно просчитывал варианты спасения. Делать нечего, придется убить братцев того негодяя.

– Джаспер, я хочу младшую, – занял Джилберт Нили.

– Наливной персик, так и ждет мужских прикосновений...

Старший дал младшему дружеский подзатыльник и объяснил:

– Я для начала, займусь, мисс Мелиндой, давно на нее смотрю, а ты начни с тетушки, потом поменяемся.

Мелинда громко икнула, схватила Джину за руку и оттащила себе за спину.

– Надменным аристократкам, кажется, не по нраву наше общество, а, Джаспер? – осклабился младший брат.

– Точно, их изящные ножки подгибаются, а по бархатным шкуркам бегут мурашки, – протянул Джаспер.

– Не делайте нам больно, добрые господа, – закатив глаза, простонала Мелинда.

– Ладно, я сегодня добрый, – согласился Джаспер.

– Бить не буду, так, самую малость, рук-ног тоже не выкручу.

Два брата с совершенно определенными намерениями двинулись к женщинам. Джина испустила пронзительный вопль и шарахнулась, потянув за собой Мелинду. Джонас крикнул и загородил хозяйек.

– Ого, что это? – вскричал Джаспер, заметив приоткрытую дверцу сейфа.

– Вот где хранятся знаменитые сокровища Келли и Лаумеров. Напрасно мы рыли под фундаментом их дома и во дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.